

На кухне действительно оказался термос — новенький, небесно-голубого цвета, даже полиэтиленовая плёнка и ярлык были ещё не сняты. Он спокойно стоял в углу самого верхнего шкафа.

Е Чжицю поднял руку, чтобы достать его, и невольно замер. Это место было довольно укромным. Ранее он вместе с Ли Шаоцзюнем и остальными перебирал кухню. Хотя она была чистой, они всё равно протёрли всё влажной тряпкой сверху донизу. За всё это время никто не заметил этот термос, спрятанный в углу.

Как Цинь Цзяньхэ удалось, всего лишь раз приготовив у него еду, так хорошо изучить его кухню? Неужели он настолько наблюдателен?

Металлический корпус термоса был прохладным на ощупь. Е Чжицю опустил глаза и, сняв упаковку, вымыл его. Затем он открыл кастрюлю для супа на мойке и перелил туда оставшийся суп из старой утки.

Надев куртку и выходя из квартиры, Е Чжицю, держась за дверную ручку, невольно оглянулся. В квартире было чисто, он протёр всё до блеска. В свете ламп бежевый журнальный столик и обеденный стол излучали мягкое сияние. От одного взгляда на них становилось уютно. Хотя он прожил здесь всего один день, хотя это была всего лишь съёмная квартира, но, возможно, потому что это было единственное место, которое принадлежало только ему в этой и прошлой жизни, в сердце Е Чжицю невольно возникло неопишное чувство привязанности.

Это чувство было новым.

Ни к семье Е, ни к дому, который был у него с Ци Синем в прошлой жизни, он никогда такого не испытывал.

В прошлой жизни, благодаря успешному развитию "Циюнь", Ци Синь щедро купил почти четырёхсотметровую квартиру с открытой планировкой рядом с деловым районом. Отделка была роскошной. И только спустя долгое время Е Чжицю узнал, что в свидетельстве о собственности было указано имя Ци Жуйчана из соображений безопасности.

Именно поэтому Ци Жуйчан чувствовал себя так уверенно, приходил когда хотел, командовал и постоянно говорил о том, какой у него способный сын. А он в его глазах был всего лишь альфонсом, хотя "Циюнь" был создан им самим, Е Чжицю вложил в него всю душу, дни и ночи напролёт работал не покладая рук. Но в итоге его вышвырнули.

Тогда он впервые осознал, насколько бесстыдной может быть человеческая природа. Его вклад никто не ценил, его добротой бессовестно пользовались.

Конечно, живя в семье Ци, он не просто так ел чужой хлеб. Ци Синь был привередлив в еде и утверждал, что ему нравится только то, что готовит Е Чжицю, поэтому в итоге он фактически выполнял работу домработницы. Четырёхсотметровую квартиру нужно было убирать каждый

день, а также постоянно менять меню в соответствии с вкусами Ци Синя. В то время у него уже не было сил сопротивляться, он просто выполнял свою работу, как зомби, словно машина с заданной программой.

Дни повторялись изо дня в день, но потеряли всякий смысл. Все его юношеские амбиции, вся его дерзость и упрямство, с которыми он бросал вызов Е Хунсяню... Всё это исчезло без следа.

Поэтому, несмотря на всю роскошь той квартиры, он чувствовал только холод. И только спустя много времени он постепенно понял, что это была всего лишь золотая клетка. А он был всего лишь кукушонком, занявшим чужое гнездо. Как можно испытывать привязанность к такому месту?

Е Чжицю молча постоял некоторое время, словно хотел запечатлеть в памяти всё, что было в комнате. Затем он выключил свет и вышел.

На улице уже стемнело, задние фары автомобилей тянулись по дороге длинной светящейся лентой.

Е Чжицю с термосом в руке шёл по улице. Пройдя около ста метров, он добрался до жилого комплекса, где жил Цинь Цзяньхэ. Знакомой дорогой он вошёл в ворота и дошёл до лифта. Тут Е Чжицю вспомнил, что вернул карту хозяину.

Достав телефон, Е Чжицю отправил сообщение. Через мгновение двери лифта, управляемые кем-то наверху, плавно открылись. Лифт поднялся на самый верхний этаж. Почти в тот же момент, как открылись двери лифта, дверь квартиры Цинь Цзяньхэ распахнулась изнутри.

Любовник стоял в дверях, улыбаясь ему.

— Входи, — сказал он, взял парня за запястье и ввёл его в квартиру.

— Как ты так вовремя открыл дверь? — поинтересовался Е Чжицю, передавая термос Цинь Цзяньхэ и привычно наклоняясь, чтобы переобуться в его любимые тапочки.

— Рассчитал, — ответил тот, глядя на него сверху вниз с улыбкой в глазах.

— Я чувствую запах крабов. — Сменив обувь, Е Чжицю улыбнулся, подняв глаза, и Цинь Цзяньхэ повёл его в комнату.

На кухне клубился пар, аромат еды просачивался из-под двери, создавая в комнате особенно уютную атмосферу. Е Чжицю уже собирался пройти, но Цинь Цзяньхэ взял его за руку. Он улыбнулся и протянул ему какую-то вещь. Это была магнитная карта, совмещающая в себе ключи от лифта и входной двери.

— Возьми, — сказал Цинь Цзяньхэ. — Потом сможем ходить друг к другу в гости на обед.

Е Чжицю немного колебался. Ходить друг к другу в гости на обед — это одно, но брать карту...

— Но... — Он поджал губы.

— Что «но»? — Услышав это, Цинь Цзяньхэ с лёгкой улыбкой посмотрел на него и, не говоря ни слова, вложил карту ему в ладонь.

— Мне очень нравится готовить, и если я не занят, то обычно ем дома, — улыбнулся он. — Но когда готовишь на одного, сложно рассчитать порции, и получается много лишнего. Ты приходи, и мы будем готовить вместе, как раз на двоих.

Видя, что Е Чжицю всё ещё колеблется, Цинь Цзяньхэ не дал ему возможности передумать:

— Крабы уже готовы, пойдём со мной за миской, чтобы сначала налить утиный бульон.

И действительно, получив новое задание, Е Чжицю перестал думать о том, что его смущало.

— Хорошо, — сказал он и машинально поднял руку, засовывая карту в карман своего плаща.

После весеннего дождя температура начала неуклонно повышаться, и даже Е Чжицю снял тяжёлое пальто и надел лёгкий развевающийся плащ. Светло-голубой туманный цвет очень ему шёл, чистый и свежий, делаая его похожим на неземное существо, немного волшебное. Цинь Цзяньхэ опустил глаза, наблюдая за его движениями, и в его глазах невольно мелькнула улыбка.

Они один за другим вошли на кухню, и Е Чжицю сразу увидел на разделочной доске тарелки с уксусом. В них был наложен тонко нарезанный имбирь. Он поджал губы, но в его глазах всё же появилась улыбка. А в углу кухни, перед холодильником, появился пенопластовый контейнер, в котором лежали десятки огромных крабов, крепко связанных.

— Ты же ездил в санаторий? — спросил Е Чжицю. — Откуда у тебя ящик крабов?

— Маме подарили, — улыбнулся Цинь Цзяньхэ. — Подарили многовато, вот я по пути домой заехал и забрал один ящик.

Хорошо, когда есть мама.

Когда есть мама, в холодильнике, кажется, никогда не заканчиваются продукты.

Е Чжицю с улыбкой посмотрел на Цинь Цзяньхэ, невольно завидуя. Но быстро отвёл взгляд и открыл шкаф для посуды, чтобы достать миску для супа.

— Пока оставь там, — Цинь Цзяньхэ положил крабов на мелкое блюдо и мягко сказал: — Я потом сам разберусь.

— Хорошо, — сказал Е Чжицю, поставил миску на место и вернулся, чтобы вынести две тарелки с укусом.

Затем он выпрямился и снял плащ, повесив его на вешалку. Закончив со всем, он поднял глаза и посмотрел на подоконник в столовой. Пластиковая роза всё ещё стояла в стеклянной вазе, словно неподвластная времени, такая же яркая, как и в первый день.

Е Чжицю уже хотел улыбнуться, но вдруг заметил, что настоящей розы, которую ему подарил Цинь Цзяньхэ, нет. Он слегка опешил, перевёл взгляд и увидел, что в рамке с засушенными розами вместо одной стало две. Две розы, прижатые друг к другу, невольно напомнили ему о том, как мужчина любит прижиматься к нему лбом.

Он уже хотел улыбнуться, но вдруг вспомнил, что ту первую засушенную розу Цинь Цзяньхэ подарил человек, который ему нравился. Не зная почему, Е Чжицю вдруг разонравилось улыбаться.

Как раз в этот момент Цинь Цзяньхэ поставил на стол крабов и, заметив, что он смотрит на рамку с недобрый выражением лица, невольно взъерошил ему волосы.

— Учитель Е, — с улыбкой сказал он, — моё мастерство неплохое, правда?

— Совсем не хорошее, — сказал Е Чжицю.

Он знал, что у него в душе есть границы, поэтому не хотел слишком вникать в мысли Цинь Цзяньхэ. Сказав это, он решил больше ничего не говорить.

Но...

Но то, что Цинь Цзяньхэ поместил подаренный им цветок рядом с цветком, подаренным тем, кто ему нравился, да ещё и так, чтобы они соприкасались...

Как ни крути, это странно.

Разве кто-нибудь будет принимать такую интимную позу с соперником?

Даже если это просто цветы?

Е Чжицю думал об этом всю дорогу, совершенно не замечая, что в его голове мелькнуло слово «соперник».

"Кряк". Раздался тихий звук, когда Цинь Цзяньхэ вскрыл панцирь краба. Он разделил краба на верхнюю и нижнюю части и положил их на тарелку перед Е Чжицю.

— Будь осторожен, когда будешь есть, — его голос был низким и глубоким, необычайно приятным. — Не поранься.

Е Чжицю кивнул. Но, как только он представил, что Цинь Цзяньхэ, возможно, так же заботливо относился к кому-то другому, ему стало ещё хуже.

Крошечная ложечка идеально подходила для поедания крабов, Е Чжицю опустил голову и стал выковыривать крабовое мясо.

— Е Чжицю, — вдруг позвал его человек, сидевший напротив.

— А? — Е Чжицю поднял глаза.

— Уксус, — напомнил ему Цинь Цзяньхэ. — Ты же специально просил уксус, почему не макаешь?

Цзян и имбирь — это идеальное сочетание не только по вкусу, но и по свойствам: имбирь согревает, а крабы охлаждают.

— Макаю, — сказал Е Чжицю.

Встретившись с чёрными, смеющимися глазами Цинь Цзяньхэ, он вдруг начал расслабляться.

"Ладно, плевать, - подумал он, - в конце концов, сейчас с Цинь Цзяньхэ спит он, а не кто-то другой."

Он гордился этим.

Как только настроение улучшилось, еда стала вкуснее. Крабы, предназначенные для подарка, тем более для человека такого положения, как Не Фэнцзюнь, конечно же, были отборными. Каждый из них был полон мяса и икры, а в сочетании с имбирем и уксусом становился ещё вкуснее.

— Вкусно, — Е Чжицю прищурил глаза.

Крабы холодные по своей природе, а Е Чжицю очень боялся холода, поэтому, несмотря на то, что они были вкусными, Цинь Цзяньхэ не собирался позволять ему есть много. Поэтому на столе, кроме крабов и утиного супа, было ещё кое-что.

Е Чжицю съел большого краба и под взглядом Цинь Цзяньхэ выпил ещё чашку утиного супа. Естественно, он не забыл и про овощи, чтобы пополнить запасы витаминов. После этого парень съел ещё несколько кусочков мяса... Когда он захотел съесть ещё одного краба, то обнаружил, что даже дышать тяжело от переедания, поэтому пришлось отказаться.

После ужина Цинь Цзяньхэ мыл посуду, а Е Чжицю, желая немного размяться, поднялся наверх и стал читать мангу, стоя у книжных полок. Не прошло и нескольких минут, как он невольно снова повернул голову в сторону столовой внизу. Так продолжалось до тех пор, пока дверь кабинета не открылась и не вошёл Цинь Цзяньхэ. Видя, что Е Чжицю рассеян, он подошёл и обнял его сзади.

— Что делаешь? — спросил юноша.

— Обнимаю, — тихо сказал мужчина и нежно поцеловал его в щёку.

Е Чжицю стало немного смешно, но он всё же слегка повернул голову, и они слились в нежном и долгом поцелуе.

— Ты будешь заниматься делами? — спросил Е Чжицю.

— Ты будешь здесь читать? — в свою очередь спросил Цинь Цзяньхэ.

Е Чжицю моргнул, не понимая, какая связь между его чтением и работой другого. Тогда Цинь Цзяньхэ объяснил:

— Если ты спустишься вниз, я буду работать внизу на планшете.

— Эй, Цинь Цзяньхэ, — Е Чжицю посмотрел на него. — Ты стал немного прилипчивым.

— Что? — спросил Цинь Цзяньхэ. — Тебе не нравятся прилипчивые?

Е Чжицю закрыл книгу. Он хотел сказать, что не нравятся, но почему-то не смог этого сделать.

Видя, как он серьёзно задумался, Цинь Цзяньхэ не смог сдержать смех. Этот смех был тихим и лёгким, как перышко, пролетевшее мимо уха, заставив Е Чжицю невольно поднять руку. Тут

же эту руку взяла в свою большая ладонь с чёткими костяшками.

— Не буду тебя дразнить, — он снова наклонился и поцеловал Е Чжицю, а затем немного отстранился. — Я принесу тебе немного закусок, ты можешь читать и есть.

Е Чжицю ничего не сказал, только инстинктивно кивнул.

Они немного повозились, и парень уже почти переварил еду, поэтому выбрал несколько книг, взял их и сел в то кресло, в котором сидел в тот день.

Хотя вначале он всё ещё думал о рамке для фотографий внизу, после нескольких поцелуев он совершенно забыл о ней.

Манга как раз дошла до напряжённого момента соревнований, и он быстро погрузился в чтение. Он даже не заметил, как Цинь Цзяньхэ поставил рядом с ним тарелочку с закусками.

Наверное, потому что был вечер, в этот раз на тарелке не было конфет или шоколада, только несколько кусочков цукатов, горстка орехов и стакан горячего свежего молока рядом с тарелкой. Окно в кабинете было приоткрыто, впуская свежий воздух, но как только принесли горячее молоко, комната сразу же наполнилась сладким ароматом молока.

— Я сначала выпью молоко, — подняв глаза, сказал Е Чжицю.

Под таким углом его глаза казались очень большими, а вопросительный тон — послушным, что делало его похожим на ребёнка. Цинь Цзяньхэ не смог сдержать смеха и потрепал Е Чжицю по голове.

— Как хочешь, — сказал он низким, мягким голосом с улыбкой. — Я буду здесь, если что-то понадобится, зови меня.

<http://bllate.org/book/14243/1258138>